Мужчина улыбнулся отвратительной беззубой улыбкой - и приложился к бутылке дешёвого пойла, которым он потчевал себя во неимение денег на хоть что-либо более достойное, вместе с этим разваливаясь в разодранном безногом кресле, сиротливо расположившемся прямо на земле, в глухом и забитом всяким мусором переулке.

Он был немыт. Откровенно грязен и вонял всем, чем только может вонять человеческое тело, месяцами не знавшее мыла и чистой воды - но сейчас он был доволен. И, оторвав от поросшей всклокоченной бородой расщелины рта бутылку, он широко раздвинул ноги, вываливая из заношенных штанов своё хозяйство - какое-то кривое и неровное, а из-за того, что им редко пользовались для чего-то ещё, кроме как для справления нужды - под обнажившейся головкой висели белые хлопья из отмершей кожи и всяких разных жировых выделений. Но всё равно, несмотря на его общее состояние, он был велик - весьма велик, достигая в длину добрых двадцати пяти сантиметров.

И всё благодаря тому, что напротив него, склонившись на колени и кося взгляд куда-то в сторону так сильно, что отвечающие за это мышцы уже начинали ныть, сидела Шаос. И, не решаясь сделать следующий шаг, нервно теребила край розовенького платьюшка - так, что взору уличного жителя открывался вид на скрытое под белой тканью белья копытце.

- Да не робей ты, а! Давай, расслабься! - Её приоткрытых губ коснулось горлышко бутылки - и рот омыло этим пойлом. Как изнутри, так и снаружи - оно потекло вниз, по её подбородку и шее, под ошейник и по практически ровной груди, впитываясь прямо в ткань одежды.

Но девушка не сдрейфила - она наоборот, подалась вперёд, беря горлышко глубже, пока оно не уткнулось ей в корень языка - и сделала несколько тяжёлых глотков этой отвратительной сивухи, которая вообще едва ли предназначалась для того, чтобы её пили, а не чистили ею алхимические колбы и реторты.

Человек громко, противным смехом рассмеялся и так же грубо выдернул бутылку из её рта, оставляя её кашлять и делая большой глоток уже самостоятельно.

- Вот же грязная девка! - Сказал бездомный - и скрюченным пальцем подцепил верх её платья, рывком спуская его вниз и обнажая её самых скромных размеров грудь - две маленькие, чуть раздавленные розовые ягодки с крохотными дырочками в центре на едва различимых припухлостях. - А чё же сиськи себе не отрастила, а?

А вот в этот момент Шаос уже смутилась - не то, чтобы она стеснялась своего тела, но... испытывала немного странные ощущения от обнажения, предпочитая всё-таки заниматься этим в одежде, поэтому попыталась прикрыться руками - но в этот миг сидевшее напротив существо ухватило её за рог и резким движением потянуло к себе, заставляя дамианку упасть на четвереньки так, что грязный член мужика ткнулся ей прямо между носом и губой. И часть этих хлопьев даже повисла на них...

Ехидна сморщила грязненький носик и сглотнула. А потом саааамым кончиком язычка облизнула блестящие от слюны и гадкой, кислой выпивки губы, слизывая с них и те самые

хлопья смегмы... И будь милосердна её Госпожа, это было настолько отвратительно, что ехидна, в миг пустив изо рта тягучую слюну, с мутным взглядом прижалась к его грязной головке щекой и начала с настоящим урчанием тереться о неё, размазывая это по лицу, по губам и... и, влажно открыв рот, она в облачке пара выпустила оттуда свой неповоротливый, будто опухший язычок и медленно провела им по этому солёному мужскому отростку, начиная от его середины и заканчивая как раз под краем головки - там, где сосредотачивалась основная масса этой горькой, с неприятной сладинкой дряни. И с причмокиванием заключила её край в поцелуе, одновременно с этим продолжая вычищать забитые этой жировой смесью складочки под ней своим мокреньким, блестящим язычком.

Человек опять приложился к бутылке, пока девушка продолжала с влажным слюрпаньем облизывать ему член. Проникать под его головку своим розовым, но покрытым множеством этих хлопьев язычком, прикусывать её одними губами и тщательным образом, широко при этом открыв рот, проходиться по его натянутой уздечке. Главным образом - концентрируясь на тех участках его члена, где от этой грязи уже началось воспаление и болезненное покраснение кожи. Это должно быть сильно зудело, а она - хорошая, добрая ехидна! Заботливая... Она поможет ему! И при этом девушка старалась не глотать - так, что к концу чистки, когда член мужчины уже блестел на блеклом свету закатывающегося солнца ровным слоем её слюны, рот её полнился этих размокших и неприятно липких кусочков, также как и тонких извилистых волосков с его мошонки.

И с коварным, неотрывным от бомжа взглядом - Шаос показала ему содержимое своего рта, перед тем как сделать один долгий, глубокий глоток, отправляя всю эту грязь прямо в свой пухленький ехидновский животик, надолго замирая после этого с закрытыми глазами...

Её охватил жар. На коже выступил пот. Лёгкий, противящийся глотанию спазм перерос в мелкую, но ровную дрожь - она кончила. И теперь едва шевелилась, стоя на коленях перед грязным бомжом с запрокинутой головой...

Напряжение в теле медленно спадало. Её охватывало приятное спокойствие... И с мыслями о том, что чуточку попозже она начнёт выдаивать его к себе в рот... Или сядет к нему на колени, чтобы он ввёл в неё свой корявый член и оплодотворил её... В общем, с мыслями, что этот бездомный овладеет ею, а она понесёт от него ой как нежелательного сейчас ребёнка, ехидна на не слушающихся ногах подползла к человеку поближе, чтобы положить голову ему на живот... Грязный, впалый живот бездомного...

Мир стал тухнуть перед её глазами... Всё тонуло в тишине и спокойствии... И только чувствовала она, как его грязная лапа мацает её грудь, с силой стискивает её мягкую девичью плоть, оттягивает её за сосок. И как сильно при этом о его ладонь колотится её больное сердечко...

Но кажется, что это биение замедлялось. Её охватывал покой...

Шаос закрыла глаза на долгие десять секунд...

Она непременно даст ему себя оплодотворить. Но чуточку позже. Ей просто хотелось немного человеческого тепла...

А затем её рога в очередной раз коснулась чья-то рука. И, грубым образом вздёргивая её на ноги, чтобы она смогла своим ртом достать до его члена - перед ней предстал другой бездомный. И член этого был ещё хуже - ещё кривее и весь покрывался какой-то желтоватой, корочками отслаивающейся коростой. Он был болен, но... но дамианам было плевать на человеческие болезни. И девушка, с мутными глазами и ещё не до конца выйдя из этого самозабвенного состояния, открыла рот, чтобы впустить его в себя. Благо, поражённый этой чахотью, он был меньше, чем обычно, и влез за её щёки не причинив слишком много боли.

Шаос стала сосать. А точнее, её голову, удерживая за основание этих забавных чёрненьких рожек, стали насаживать на мясистую палку, пока она с изгибом погружалась в её горло, взбывливая под ошейником её плоть и заставляя его неприятно придушивать её... Хотя о каком там дыхании могла идти речь? Дышать с этой штукой во рту она не могла, а лишь с глыганьем, вешая на себя и на него тяжёлую горловую слюну, была вынуждена надрачивать ему член... И потому, когда первый из её дружков встал, передал бутылку товарищу, а сам сдёрнул голову ехидны с его члена - она была рада. Тому, что у неё была возможность сделать хотя бы один вдох!..

Но горло её оказалось вновь занято - и уже большим по размеру членом. И он стал медленно погружаться вниз по её пищеводу, заставляя всю её дёргаться, кашлять и биться в конвульсиях то ли оргазма, то ли от страха. До тех пор, пока его поросший волоснёй пах не упёрся ей прямо в нос - он влез полностью и был очень доволен. Настолько, что с силой похлопал такую удобную и услужливую ехидну по затылку, ещё на сантиметр другой, но погружая свой член в её узкое горло!

С её ноздрей посочилась слюна, а глаза начинали закатываться под веки - ибо девушка не могла дышать и прекрасно осознавала, что сейчас она просто отключится. А проснётся ли она после этого или задохнётся и будет замучана отчаявшимися бездомными до смерти - зависело бы только от этих прокорёженных сивухой мозгов. И потому, изо всех сил уперевшись ему в бёдра лапками, она мучительно, с влажным причмокиваньем, стащила свою голову с его члена, вешая напоследок себе на подбородок прозрачные струи густой слюны.

Они вдвоём, под звуки бьющейся в кашле ехидны, дружно заржали. А когда она, вся в слезах и слюне, утёрла рот запястьем и мило надула щёчки, ужасно обиженно взглянув на них снизу вверх - то увидала, как из тьмы переулка, покуривая на ходу какую-то самокрутку двухпалой культёй, выруливал и третий...

Сердце в её груди упало. Трое?... Н-не, с тремя она была не готова... И вообще, как она опять вляпалась во всё это? Почему просто не прошла мимо?.. Почему остановилась? Почему ответила ему? Почему?!

- В-вы... вы задувы.... задувыте меня... - Делая шаг назад, сказала Шаос. Но на спину ей, прямо под крылышками, легла пятерня поросшего коростой бездомного - он придержал её. И другою рукой направив член в её сторону - приставил его к её приоткрытым губам.

И-иного выбора у неё, кажется, уже не было... Нужно было завершить начатое - и Шаос, зацепившись за касающийся лица член обеими лапками, стала сосать так, как ей было удобно - по сути, облизывая одну лишь головку своим язычком и максимум, что присасываясь к ней губами в поцелуях... Основную работу при этом приходилось делать всё же руками - но проблема состояла в том, что рук у неё было лишь две, а желающих выдаивания члена было целых три! И все они, встав напротив этой коротышки, даже до пояса им толком не достающей, веером прижали свои члены к её губам, требуя к себе внимания...

Захламлённый закуток наполнился сочными, влажными звуками. Чавкал её язычок. Щёлкала под руками влажная от слюны плоть. Мужчины пыхтели, ехидна - скулила. Скулила, сопела и урчала, изнывая от страсти и похоти. Её мутные, подёрнутые розовой дымкой глаза поочерёдно обращались к каждому из них, она стонала. Тело её временами подёргивалась, она привставала на носках и, стиснув веки, издавала особенно громкие стоны. При этом хвостик её хлёстко метался по сторонам, а влажные от смазки трусики гадостно провисали. Смазка уже стекала по её бёдрам, длинными каплями опадала на землю...

Ехидне приходилось чередовать. Пососать один, вместе с этим надрачивая руками двум другим - а потом менять руки и присасываться губами к другому, как бы попеременно, а как бы и одновременно удовлетворяя всех разом...

Но при этом ей ужасно не хватало координации. Она не могла слаженно шевелить двумя руками и работать головой, она постоянно сбивалась с ритма, то и дело сосредотачиваясь только на ком-то одном - её мозг был поломан и не был рассчитан на такое. И поэтому, когда мужчины, уже долгое время находясь где-то на грани оргазма, но никак не способные за неё переступить, взяли свои члены в собственные руки, чтобы полностью контролировать этот процесс, Шаос откровенно обрадовалась. Она выдохнула и, убрав за плечи свисающие на грудь волосы, задрала кверху свою мордашку, вместе с этим прикладывая ко рту сложенные чашей ладони.

Они были близки. Она знала это! Знала!..

И не ошиблась. С громким, противным стоном - левый бездомный выстрелил из своего члена толстой струёй вязкой жидкости, ударяя ей в лоб. Повесив смачную соплю на её голубой чёлке, он скатился ею по её переносице и финальным росчерком прошёлся через правый глаз, залепляя его и вешая большой сгусток на её брови! А не успел этот поток иссякнуть, как с другой стороны в её лицо выплеснул свою жижу второй - основной удар прошелся ей по щеке и, разбиваясь длинными, тягучими каплями, остановился на её вздёрнутом носике - чтобы сразу же начать сваливаться с него большими жирными каплями в её ладони...

- Оооо да, я... я сейчас!

Третий же будто специально подловил этот момент - когда Шаос, захлёбываясь в очередном приступе охвативших её тело конвульсий задрала мордочку ещё чуточку выше, приоткрыв при этом ротик, чтобы хапнуть чуточку воздуха и долго, измученно простонать - он отправил свою струну прямо туда, орошая его изнутри и щедро обвешивая в догонку ещё и её губки.

Семя бомжа оказалось кислым. И особенно вонючим - этот запах в миг забил ей нос, заставил захлебнуться в нём и, мелко дыша, выпустить из широко открытого рта покрытый белёсыми сгустками язычок - и, словно сговорившись, следом они излились в её рот практически одновременно, обильно наполняя его своим семенем так, что это склизкое месиво на какой-то момент полностью, до самых краёв заполнило его. А секундами позже - волною выплеснулось наружу, накатывая на сложенные вместе руки и оседая там в виде грязной, пузырящейся лужи.

Трое бездомных излились ей в рот, за один раз... Смешав свою грязную сперму внутри неё. Внутри неё: маленькой, грязной и очень голодной ехидны. И не успев даже унять дрожь от оргазма предыдущего - Шаос сделала глоток, окатывая пищевод новой порцией мерзости, чем заставила своё тело забиться в очередном приступе глубинных судорог!..

А потом её окатило третьей волной. Так, что семя густым слоем легло на её лицо и стало стекать вниз, на её ладони, на выроненный изо рта язычок, пузыриться на ноздрях... И конечно же заполнять подставленные под лицо ладони... И ещё! Прямо на её грязное, уже в несколько слоёв покрытое этой массой лицо и через края переполняя её сложенные лапки... Так, что уткнутое в них личико уже скрылось в этой луже по самый нос!..

И хотя на этом было ещё не всё - кто-нибудь из них, со стоном, но то и дело окатывал её собой, метя уже преимущественно в её пухленькое, мягонькое тельце, вкривь и вкось украшая её соски перламутровыми подтёками - Шаос запрокинула голову наверх и стала вливать скопленное в руках семя себе в рот... Чавкая, жуя и глотая так, что оно всё пузырилось и преимущественно стекало по её лицу вниз... Пропитывая это грязное, вонючее платье - и даже затекая под резинку промокшего от её любовных соков белья...

А когда в руках уже ничего не осталось, а она с пузырями, с капающей с высунутого языка слюной и семенем запрокинула голову, превращаясь в вялую, измотанную ехидну, её подхватили под локти и отвели к облезшей каменной стене. Где полностью стянули с неё платье и даже бельё (для чего её пришлось поднять над землёй, но с такой-то массой тела это не было проблемой), а затем грубым образом упёрли в кладку грудью, делая её бёдра открытыми и уязвимыми...

Но зачем?.. Шаос не понимала. Её мозг работал слишком медленно. Ещё медленнее, чем обычно. Они что - ещё не закончили? Всё-таки, хотят её оплодотворить? Н-нет, она устала... Она не могла больше, ей нужен был перерыв! Отдышаться, собрать разрозненные мысли...

Но, несмотря на собственные желания - она опёрлась о стену руками, лишь бы облегчить неудобный нажим на свои рёбра, и пошире раздвинула ноги, готовясь принять в себя первого... а возможно - и двух, а то и трёх сразу...

Наверное, она всё-таки сможет... Постарается быть хорошей ехидной!.. Нужно же всего лишь расслабиться, а они уже сами всё сделают, что нужно...

Однако же она ошиблась - и пока двое продолжали её держать за плечи, чтобы она никуда не

сбежала - третий сбегал во тьму переулка, вскоре вернувшись с каким-то увесистым бочонком, который он переваливал с ребра на ребро, но неминуемо подтягивал к основному месту действия. И когда он, под любопытным и испуганным взглядом Шаос открыл его - то она даже не смогла увидеть, что там находилось! Она была слишком низкой, а бочка - наоборот, высокой... Они хотели посадить её внутрь?! И использовать потом по настроению?! Е-ей бы так не хотелось!..

Но в очередной раз за этот вечер Шаос ошиблась - человек запустил внутрь руки и вытащил на свет целую пригоршню каких-то... слизней? Сперва дамианке показалось, что это были именно слизни, но на деле же это было что-то более твёрдое и мясистое - как будто какие-то червячки, а точнее - жгуты мускулов от нескольких и до десяти сантиметров в длину, с обоих концов оканчивающиеся плотно сжатыми губками сфинктеров.

- С-сто вы хотите... - Сказала она, не переставая оглядываться через плечо своих грязным, блестящим разводами лицом. - В-вы ведь не хотите засунуть их в меня?!

- Они вкусные. Чистый белок!

- Похожи на куриные пупки, главное поварить как следует!

Удерживаемая теперь лишь одной парой рук, тем не менее Шаос не вырывалась, а, практически не дыша, с каким-то страхом наблюдала за тем, как эту кучку слизняков положили ей на спину - холодную, мерзкую и скользкую кучку, что сразу же зашевелилась, стала куда-то ползти, тыкаться своими слепыми мордами о её кожу... И пока один из бездомных начал стращать девушку, тыча этим тёмно-серым червячком ей прямо в губы, из глубин этой бочки достали одного наиболее крупного представителя этих тварей, достигающего в длину около тридцати сантиметров - и плавно опустили его прямо меж двух её полупопий. Так, что мускульное тело живого щупальца вмиг подхватило её киску из-под низу, тесно прижимаясь к ней своим холодным, скользким телом.

- Ужасно е*ливые твари. Заползёт такая ночью на голову - все уши кончёй забьёт!

- А она у неё липкая!

- Ага! Так что смотри, не забеременей!

- Д-да вы издевае?!...

Шаос язычком вытолкнула того гада, что сунули ей в рот, когда она решилась заговорить - и тот упал на землю, став так гадко и уродливо на ней шевелиться. Однако же пронаблюдать за ним ей не дали, ведь тот батон мускулов на её попе почуял такую приятную, такую влажную и тёплую дырочку под собой, что стал совершать ритмичные, волнообразные движения, постепенно погружая истончившийся конец своего тела меж двух плотно сжатых валиков её киски. До розового, покрытого смазкой нутра раздвинул их в стороны и сокращающимися

движениями всего тела стал протискиваться внутрь короткого влагалища Шаос.

Девушка заныла. Стиснула зубки и сильнее расставила пухлые полуросличьи ножки - формируя "кулак" напряжённых мышц внутри её лона (вполне не уступающий размеры кулака настоящего), тварь таким образом закреплялась в нём, после чего сокращала всё своё тело в направлении этого напряжённого участка и, сформировывая уже другой кулак, чуть ближе к выходу - расслаблялась в глубине её тела, протискиваясь на пару сантиметров дальше. Чтобы вновь "набухнуть", но уже глубже, и подтащить остальное тело вслед за собой, совершая всё то же самое действие по новой...

Скрипя зубами, когда неведомо животное протиснула свои губки через узкую щель её кервикса, начав его своими мускулами раздвигать, Лизка простонала. И через боль, через тяжёлое дыхание и приятное скуление, промолвила:

- Я... я забееменею... Я тосно от неё забееменею!..

Девушка сглотнула. И, окинув взглядом всех трёх наблюдающих за сокращающимися движения их пищи бомжей лишь одним полуприкрытым глазом, обернула красное от боли и стыда лицо к стене.

Она от неё забеременеет...

А ведь сейчас её даже не держали - она сама стояла, уперевшись в к стену руками, пока в неё медленно втискивался тридцатисантиметровый жгут живых мышц. И вот, когда он, преодолев основное сопротивление её кервикса так туго заскользил внутрь него, кольцами скручиваясь внутри её матки, ехидна пропыхтела. Опустила голову ещё ниже, чтобы видеть, как вздыбливается под набором этого существа её живот. Как неестественно натягивается на нём кожа, вся ходит волнами и бороздами от крутящегося в ней червя, при этом всё ещё торчащего наружу на несколько сантиметров.

Девушка сжала губы. Приподняла вверх мордашку, со скулением засучила задними лапками, а веки её задрожали так, будто она вот-вот была готова чихнуть, но вместо этого она находилась на грани очередного оргазма... Ещё... Ещё капельку!.. Ещё парочку движений внутри и она!.. Поёрзай там ещё немножко! Покрутись!..

Но её отвлекло иное ощущение. И всё же просто чихнув, вместо того, чтобы кончить, она обратила взгляд на свою грудь... И ей опять стало страшно - те твари, которых ей охапкой положили на спину, переползли наперёд. И теперь с полтора десятка коротеньких чёрных червячков копошилось на её груди, слизывало своими присосками размазанное по ней семя... И кружками выстраивались вокруг её сосочков, бессмысленно тыкаясь в них своими оканчивающимися сфинктерами головами.

Они хотели покормиться?..

Или им... тоже нужен был домик?...

Шаос в который раз сглотнула эту вездесущую, липкую слюну - и, с открытым ртом, тяжело дыша, стала ждать... Видя то, как покачивается её округлившееся пузико от поселившегося в нём монстрика, и как тварюшки поменьше поклёвывают её соски. Легонько, осторожно прижимают к ним свои "губки" и... и осторожными, плавными движениями начинают протискиваться в них. Сначала - один. Вызывая резенькую, покалывающую боль, он вполовину протиснул своё тёмненькое тельце внутрь - а за ним полез уже другой, оттопыривая краешек её соска в сторону. В другую же её сисечку полезло сразу трое - и оттого это было больнее. Но Шаос - хорошая, способная терпеть боль ехидна. И, продолжая глотать слюну, она наблюдала, как эти три тельца мерзким бутоном торчали из её растянутого соска и шевелились, уже вполовину скрывшись в нём. Беспорядочно виляли своими хвостиками взад и вперёд, влево и вправо. Сокращались и... и!..

В правую полностью залез первый из червячков - Шаос успела заметить лишь кончик его промелькнувшего хвостика. А следом за ним - юркнул и второй, начиная занимать собой один из её ехидновских молочных канальцев. Пусть они у неё и маленькие, но... Она как-нибудь сможет!.. Однако не успел её сосок даже сжаться - как вслед за теми устремилось ещё двое...

Шаос закусила губу: словно маленький ребёнок наблюдающий за муравьями, она с горящим от стыда лицом смотрела на то, как всё больше этих тварей заползало в её груди. И как они в виде холмиков расходились под кожей в разные стороны. Вызывая пощипывание и подёргивание, расползались по её молочным канальцам. Искали себе гнёздышки, селились...

В то же время большой будто бы приуспокоился: его движения стали медленнее и расслабленнее, а всё ещё высунутая из её широко раздвинутой, зудящей киски тело совершало своим сфинктером волнообразные дыхательные движения... Он же не собирался в ней так остаться, нет?... Долго она его в себе носить не сможет... Это будет слишком хлопотно!

Шаос выдохнула. Свесила язычок и с измученным видом посмотрела на дрочивших в её сторону бомжей - перед тем, как они жирными соплями повисли на её бёдрах. На её ногах и спине... На её киске и прямо на торчащем из неё черве - практически чёрном, качающемся, дышащем.

А потом он там внутри, в её матке, вплотную прижался своим головным сфинктером к одному из ведущих к яичникам канальцев и выпустил наружу пучок тоненьких жгутиков, глубоко проникая ими внутрь, оплетая вокруг и ввинчиваясь в её набухший от готовых к оплодотворению яйцеклеток орган...

Это сильно кольнуло. Заставило дёрнуться. А потом внутри стало как-то по-особому сыро... И липко. Существо пустило сок - и что-то белое, слизистое потекло из её киски - а следом такое же вещество посочилось и из её сосков. Липкое и сладковатое на запах...

Семя этих животных?.. Шаос стало страшно. Она почуяла, как опять заколотилось её сердечко... Ведь она не хотела!.. Честно, не хотела... У неё сейчас не было достаточно денег,

чтобы выкормить растущее в ней потомство...

- Н-не надо... Позалуста... - Со слезами произнесла Лиза, видя то, как метка на её животе начинает расцветать...

С каким-то обречённым чувством, она подняла голову и, уставившись в стену, замерла на долгую минуту.

Эта тварь её оплодотворила. И теперь она породит ещё больше таких же... Мерзких шматов мускулов, что теперь будут расти в её животе...

Неужели десять золотых стоили того, чтобы отсосать у трёх грязных, вонючих бомжей, начисто изгавниться самой и всей своей одежде, а напоследок забить себе все груди непонятными червяками, а от одного из них ещё и забеременеть?...

В-вряд ли, нооо.....

И всё бы ничего - но мысль её оборвала резкая боль. Такая, которую вряд ли можно было назвать приятной... Да к бесам! Один из бездомных, запустив большой палец в "рот" торчащего из неё червя и ухватившись другими за край его плоти - с противным гоготом вырвал его наружу, вместе с, проклятье, маткой Шаос, повисшей следом за мясным батоном розовой десятисантиметровой трубкой. Блестящей и всей такой гладенькой!..

Она не выдержала этого. И, к своему стыду, кончила - забилась в припадке и, с закатанными под веки глазами, содрогаясь в сильных конвульсиях и пуская слюну, упала на землю, выворачиваясь на ней так, чтобы уткнуться в стену спиной и в неё же удариться затылком - лишь бы эта страсть оставила её!.. Её сердце могло этого не выдержать! Оно слишком болело, она... не могла!.. Она чувствовала, что сейчас умрёт!..

Н-но нет... Нет... Её начало отпускать. Пелена с глаз спадала, чувства возвращались к ней. И она, сидя прямо на земле, с вывернутой наружу маткой, почувствовала, как что-то тёплое и неприятно пахнущее потекло по её груди. По животу... И скатывалось прямо на эту её валяющуюся на земле мясную трубку.

Все три бомжа, встав напротив неё, пустили на неё свои тёмно-жёлтые, дурно воняющие струи. И девушка нашла в себе силы лишь на то, чтобы поджать под себя ноги таким образом, чтобы скатывающееся по её груди хотя бы немного задерживалось в ямочке между её пухлыми ляжками, подрастянутым животиком и мягонькой, безволосой промежностью.

И призывно открыть рот, указав на него указательными пальцами обеих рук.

С десятью монетами она всё-таки продешевила... Ей этого не хватит даже на то, чтобы где-нибудь помыться и постирать одежду...

http://erolate.com/book/412/42127